

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cthccs>

Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов

Кравченко Михаил Александрович

Ростовский государственный университет путей сообщения, Россия, Ростов-на-Дону

eLibrary Author SPIN: 5459-1225

<https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Scopus Author ID: 57797640500

mak@rgups.ru

Аннотация: Феномен метарефлексии изучается на стыке научных направлений (психология, психолингвистика, традиционная лингвистика, коммуникативистика), тем самым актуальность исследования обусловлена его междисциплинарностью. Цель работы состоит в установлении и описании классификационных признаков рефлексивов, выделяемых с учетом особенностей объекта и уровня метаязыковой рефлексии. Методы исследования соответствуют цели и эмпирической базе исследования, которая сформирована путем сплошной и направленной выборки рефлексивов из текстов художественных произведений современных русских писателей. Основным общенаучным методом, используемым в работе, является метод типологизации. Из числа собственно лингвистических методов наиболее последовательно применялись методы семантического и дискурсивного анализа. Результатом стало создание многоуровневой системной типологии рефлексивов. Признак объекта рефлексии формирует предпосылки для деления рефлексивов на высказывания о форме знака и значении знака. На втором ярусе типологии высказывания о форме знака подразделяются на рефлексивы внешней и внутренней формы, а высказывания о значении знака – на рефлексивы ближнего и дальнего значения. Названная классификация дополняется таксономией, построенной вокруг признака функционирования метаязыковой рефлексии. В соответствии с данным признаком рефлексия может носить поверхностный или глубинный характер. Поверхностная метаязыковая рефлексия порождает констатирующие рефлексивы, в которых фиксируются наблюдаемые характеристики знака. Глубинная метаязыковая рефлексия приводит к образованию операциональных рефлексивов, в которых отражаются результаты осмысления знака. Полученные в работе результаты открывают перспективы для дальнейшей научной интерпретации онтологических и гносеологических характеристик метаязыковой рефлексии, а также вносят вклад в изучение автореферентной функции языка. Сделан вывод, что результаты метаязыковой рефлексии, отраженные в художественных текстах, отличаются содержательной неоднородностью. В ходе исследования удалось установить, что базовыми признаками, определяющими деление рефлексивов на отдельные таксономические группы, выступают особенности объекта и особенности протекания метаязыковой рефлексии.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, рефлексивы, когнитивно-дискурсивная ситуация, теория обыденной лингвистики, таксономические группы рефлексивов

Цитирование: Кравченко М. А. Метаязыковая рефлексия в художественном тексте: от объекта рефлексии к типологии рефлексивов. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 1. С. 85–96. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-85-96>

Поступила в редакцию 21.06.2024. Принята после рецензирования 14.08.2024. Принята в печать 19.08.2024.

full article

Metalanguage Reflection in Fiction: From the Object of Reflection to the Typology of Reflexives

Mikhail A. Kravchenko

Rostov State Transport University, Russia, Rostov-on-Don

eLibrary Author SPIN: 5459-1225

<https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Scopus Author ID: 57797640500

mak@rgups.ru

Abstract: Meta-reflexivity is an interdisciplinary object of psychology, psycholinguistics, traditional linguistics, and communication studies. The authors classified reflexives sampled from contemporary Russian fiction based on the features of the object and the level of metalanguage reflection. They used the method of typologization, as well as the semantic and discursive analyses, to develop a multilevel typology of reflexives. Based on the object of reflection, the reflexives were divided into the statements about the sign form and the statements about its meaning. On the second tier of typology, the statements about the sign form were divided into reflexives of external and internal forms whereas the statements about the meaning were divided into reflexives of close and distant meaning. Another taxonomy was based on the metalanguage reflection process as superficial or deep. The superficial metalanguage reflection generated stating reflexives that recorded the observed characteristics of the sign. The deep metalanguage reflection yielded operational reflexives that reflected the comprehension results. The research opens up new prospects for further scientific interpretation of the ontology and epistemology of metalanguage reflection, as well as contributes to the autoreference studies. The results of metalanguage reflection in fiction proved to be heterogenic in content. The taxonomy depended on the features of the object and the peculiarities of the metalanguage reflection process.

Keywords: metalanguage reflection, reflexive, cognitive-discursive situation, theory of naive linguistics, taxonomy of reflexives

Citation: Kravchenko M. A. Metalanguage Reflection in Fiction: From the Object of Reflection to the Typology of Reflexives. *SibScript*, 2025, 27(1): 85–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-1-85-96>

Received 21 Jun 2024. Accepted after peer review 14 Aug 2024. Accepted for publication 19 Aug 2024.

Введение

Рефлексия представляет собой свойство сознания. Именно она выполняет важнейшую функцию регулятора деятельности, программируемой сознанием. Рефлексия относится к числу операций, осуществляемых в «светлом поле» психики. Несмотря на этимологическое родство, в понятийном плане *рефлексия* противостоит термину *рефлекс*, который указывает на неосознанную, подсознательную природу психических операций. Современные психологи рассматривают рефлексия «как способ ориентирования и совершения выбора из множества возможностей, необходимого и достаточного для самоорганизации жизнедеятельности органических систем» [Сизикова 2018: 9].

Рефлексия выступает в качестве предмета изучения в различных науках. Многовековая исследовательская традиция в отношении рефлексии зародилась в недрах

философии. При этом проблемы рефлексии ставились и решались в рамках целого ряда онтологических и гносеологических направлений. В новой и новейшей истории на статус главной науки, изучающей феномен рефлексии, стала претендовать психология. В связи с важностью процессов рефлексии в обучении и развитии личности исследование рефлексии выходит на первый план в педагогике. Следует также констатировать, что в последние несколько десятилетий предметный интерес к исследованию рефлексии начал проявлять лингвистика. В настоящий момент лингвистика входит в число основных гуманитарных наук, предметом исследования которых выступает феномен рефлексии.

Обращение лингвистики к исследованию рефлексии во многом объясняется онтологической природой

последней. Одним из важнейших способов выражения рефлексии являются разного рода семиотические средства, в первую очередь знаки естественного языка. Поэтому рефлексия зачастую реализуется в коммуникативной форме, что делает вполне оправданным привлечение лингвистических методов и приемов для ее изучения и описания.

Необходимо отметить, что в современный лингвистический дискурс прочно вошли термины *языковая рефлексия* и *метаязыковая рефлексия*. Вместе с тем понятийные параметры названных терминов и границы их денотативной отнесенности не входят в число общепризнанных констант. Проблема разграничения указанных понятий решалась на страницах специальных исследований [Залевская 2015; 2016]. В данной работе мы не ставим перед собой задачи всестороннего освещения сложившихся на данный момент научно обоснованных мнений и точек зрения по вопросу соотношения этих терминов. Ограничимся лишь указанием на то, что содержательное различие терминов базируется на объектных характеристиках рефлексии. Так, если к проявлениям языковой рефлексии мы относим языковые факты, в которых в семантической форме зафиксированы результаты осмысления сознанием фрагментов внеязыковой действительности, то метаязыковая рефлексия представляет собой размышления над языком и по поводу языка. В дальнейшем мы подробно остановимся на особенностях феномена метаязыковой рефлексии.

Сложность изучения и описания метаязыковой рефлексии определяется тем фактом, что ее характеристики не являются однородными и имманентными для всех актов рефлексии. Неоднородность метаязыковой рефлексии объясняется, во-первых, индивидуальными особенностями сознания, производящего метаязыковые операции. Каждый акт метаязыковой рефлексии несет в себе индивидуальные черты коммуникативной личности. Исследование индивидуальных особенностей метаязыковой рефлексии носителей языка входит в круг задач лингвистической персонологии. Во-вторых, содержание метаязыковой рефлексии существенно отличается в зависимости от ее целей и используемой когнитивной базы. В современной лингвистике практически общепринятым является точка зрения о том, что метаязыковая рефлексия может протекать в трех формах или существует в трех видах: обыденная метаязыковая рефлексия (продукт деятельности сознания

рядовых носителей языка), научная метаязыковая рефлексия (продукт деятельности сознания профессиональных лингвистов), творческая метаязыковая рефлексия (продукт деятельности сознания работников творческих профессий: рекламистов, журналистов, специалистов в области связей с общественностью и т.д.). Наше исследование посвящено изучению содержательных аспектов обыденной метаязыковой рефлексии и ведется в русле сложившейся в последние десятилетия теории обыденной лингвистики. Оно сопряжено с проблематикой естественного метаязыка, т.к. «рефлексивность обыденного сознания обеспечивает основу (мета)когнитивных процессов и создает условия для использования метаязыка» [Золотова 2019: 57].

На феномен естественного метаязыка впервые обратил внимание Р. Якобсон. В докладе "Metalanguage as a Linguistic Problem" [Jakobson 1985], подготовленном для Американского лингвистического общества в 1956 г., он охарактеризовал метаязык не как специальный конструкт, создаваемый в процессе научного изучения и описания языка, а как имманентную способность самого языка, использующего собственные ресурсы для самоописания и самоинтерпретации. Однако идеи Р. Якобсона долгое время оставались на периферии исследовательского внимания и не получали должного осмысления и развития. «Второе рождение» понятие естественного метаязыка получило благодаря знаменитой работе А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» [Wierzbicka 1971]. На современном этапе развития науки широкие метаязыковые возможности естественного языка отмечают как отечественными [Вепрева 2005; Кузнецова 2020; Мечковская 2006; Рябцева 2005; Шумарина 2011], так и зарубежными [Goddard 2021; Jaworski et al. 2004; Niedzielski, Preston 2003] лингвистами.

Результаты метаязыковой рефлексии отражаются в речи (тексте) в виде рефлексивов. Данным термином, введенным в научный оборот И. Т. Вепревой, обозначаются разнообразные метаязыковые контексты внутри текстов различного происхождения и функциональной направленности. При этом синтагматическая протяженность и структурные характеристики подобных метаязыковых комментариев могут существенно варьироваться. Как правило, рефлексив состоит из двух базовых компонентов: знака (последовательности знаков), подвергающегося рефлексии, и метаязыкового комментария, содержащего семантическую информацию об объекте рефлексии.

Теоретическая база исследования заложена философскими трудами по онтологии и гносеологии рефлексии Э. Гуссерля, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского, Г. П. Щедровицкого и др.; работами по психической сущности рефлексии С. Л. Рубинштейна, Б. Д. Эльконина, В. П. Зинченко, И. Н. Семенова и др.; а также лингвистическими трудами по функционированию языкового сознания и языковой рефлексии Г. И. Богина, Е. Ф. Тарасова, К. Ф. Седова, А. А. Залевской, Н. Д. Голева и др.

Актуальность предпринятого исследования объясняется, во-первых, его междисциплинарностью. Основной прирост нового знания в последние годы происходит благодаря поиску на стыке научных направлений. Изучение проблем метаязыковой рефлексии предполагает активное привлечение данных психологии, психолингвистики и традиционной лингвистики. Во-вторых, интерес к изучению метаязыковой рефлексии лежит в плоскости коммуникативной практики, которая характеризуется значительным ростом метаязыковых высказываний. Указанный факт вписывается в «общую и широкую тенденцию, имеющую место в истории коммуникации, – тенденцию к возрастанию насыщенности повседневной письменной и устной речи метаязыковыми значениями» [Мечковская 2006: 175].

Объектом исследования являются рефлексивы, функционирующие в текстах художественных произведений современных русских писателей. Предметом исследования выступают содержательные особенности рефлексивов.

Цель работы заключается в установлении и описании классификационных признаков рефлексивов, выделяемых с учетом особенностей объекта и уровня метаязыковой рефлексии. Задачи: определение таксономических групп рефлексивов на основании особенностей (1) объекта метаязыковой рефлексии, (2) протекания метаязыковой рефлексии.

Научная новизна работы состоит в представлении оригинальной типологии рефлексивов, которая базируется на таксономических признаках, характеризующих объект и глубину метаязыковой рефлексии.

Краткий обзор исследований метаязыковой рефлексии в художественном тексте

Исследования метаязыковой рефлексии в художественном тексте осуществляются в русле широкого лингвистического контекста, связанного с изучением феномена обыденного метаязыкового сознания. На рубеже тысячелетий в отечественном языкознании

сформировалась целостная научная парадигма, известная под именем наивной (обыденной, стихийной, народной) лингвистики. В фокусе ее внимания оказалось рассмотрение вопросов отражения метаязыковой рефлексии в языке. Теоретические основы названного направления были заложены в трудах [Арутюнова 2000; Булыгина, Шмелев 1999; Вепрева 2005; Кашкин 2002; Ростова 2000]. Бурный рост интереса к естественному метаязыку и его субстрату – метаязыковому сознанию, пик которого пришелся на первое десятилетие текущего столетия, выразился в издании ряда специализированных сборников работ и коллективных монографий [Обыденное метаязыковое сознание... 2008; 2009; Язык о языке 2000].

Современный этап развития обыденной лингвистики характеризуется дальнейшим расширением предметного поля исследования метаязыковой рефлексии. На сегодняшний день можно констатировать выделение следующих аспектов в исследовании обыденной метаязыковой рефлексии: функционально-стилистический, социолингвистический, психолингвистический, когнитивно-дискурсивный (подробный обзор актуального состояния исследовательского направления представлен нами в статье [Кравченко 2023b]). Важная особенность работ, выполненных в рамках функционально-стилистического подхода, заключается в определении метаязыковых комментариев не как изолированных единиц, но как содержательных компонентов целостного текста, несущих значимую смысловую нагрузку. Учеными установлено, что текстовые проявления метаязыковой рефлексии могут выступать в качестве стилистических приемов, преследующих специальные художественные цели, а в отдельных случаях – восприниматься маркерами идиостиля писателя [Бабенко, Корешкова 2021; Кравченко 2023а; 2024]. В исследованиях социолингвистической направленности метаязыковая рефлексия рассматривается как конденсатор важной социокультурной информации, как показатель изменений, происходящих в общественных отношениях [Александров 2020; Вепрева 2020; Vepreva, Kuprina 2021]. Психолингвистический аспект исследований проявляется при описании соответствующих механизмов метаязыковой деятельности носителей языка, применяемых в различных коммуникативных практиках [Кунщикова 2021; Фролова 2021]. Вопросы воплощения в тексте обыденной метаязыковой рефлексии зачастую получают истолкование в когнитивно-дискурсивном ключе. Это связано с тем, что метаязыковая

деятельность по своей сути носит интерпретационный характер и опирается на когнитивную базу говорящего (слушающего), а также анализ дискурсивной ситуации [Никитина, Гейко 2021].

Проиллюстрировав многоаспектный характер исследований, проводимых в русле теории обыденной лингвистики, разберем их эмпирическую базу. Необходимо отметить, что тексты художественных произведений (наряду с разговорной речью, интернет-коммуникацией, публицистикой) относятся к числу традиционных источников эмпирического материала. Рефлексивы, функционирующие в художественных произведениях, представляют собой художественно специфический материал, что объясняет его релевантность при рассмотрении вопросов семантики и стилистики текста. Так, зависимость содержания и форм выражения метаязыковой рефлексии от эстетической направленности текста была установлена при изучении рефлексивов в текстах русского авангардизма [Черняков 2012], в текстах произведений массовой литературы [Батулина 2017], в текстах литературных произведений абсурдистской эстетики [Кравченко, Кравченко 2022]. Значительная часть исследований ограничивается привлечением рефлексивов из художественных произведений одного автора. Каждая из такого рода работ, помимо основной цели исследования, обращается к вопросам характеристики идиостиля писателя, т. к. использование метаязыковых контекстов создает неповторимый почерк произведений, формирует авторский стиль. Например, метаязыковая рефлексия изучалась на примере творчества В. П. Астафьева [Андрусенко 2011], М. Е. Салтыкова-Щедрина [Николина 2016], В. П. Крапивина [Лабунец, Кочнева 2019], Н. В. Гоголя [Шумарина 2019], А. И. Солженицына [Черняк 2019], И. А. Бунина [Николина 2020], К. Г. Паустовского [Родионова 2021], Е. Г. Водолазкина [Бабенко, Корешкова 2021].

Методы и материалы

Методология настоящего исследования образована комплексом применяемых теоретических и эмпирических методов. В качестве теоретических использовались методы анализа и критической интерпретации научных работ по тематике исследования. Основным эмпирическим методом выступил описательный метод, включающий приемы обобщения, систематизации и типологизации эмпирических данных. Названный метод дополнялся элементами контекстуального, функционально-семантического и функционально-прагматического анализа текста.

Материалом для исследования послужили тексты художественных произведений современных русских писателей. Указанный материал содержит многочисленные примеры рефлексивной деятельности метаязыкового сознания. Эмпирические данные собирались методами сплошной и направленной выборки рефлексивов из текстов произведений. В результате многолетних наблюдений за отражением метаязыковой рефлексии в художественных текстах нами была собрана коллекция примеров, которая на момент проведения исследования и подготовки статьи состояла более чем из 2200 рефлексивов. Сбор примеров осуществлялся из произведений самой разнообразной художественной и тематической направленности. Вместе с тем следует отметить, что ядро собранного корпуса примеров образуют рефлексивы, извлеченные из текстов произведений Е. Г. Водолазкина, Р. В. Сенчина, Ю. М. Полякова, В. О. Пелевина, Т. Н. Толстой, Д. И. Рубиной, М. Л. Степновой. Тексты произведений названных авторов характеризуются особенно высокой степенью рефлексивности.

Результаты

Настоящее исследование метаязыковой рефлексии в художественном тексте выходит за рамки функционально-стилистической проблематики и обращается к типологическому аспекту осмысления рефлексивов. Мы остановимся на изучении содержательных аспектов метаязыковой рефлексии, описание которых будет способствовать построению таксономии рефлексивов. Отправной точкой для появления рефлексива является наличие объекта рефлексии. На первый взгляд ситуация кажется очевидной: объектом метаязыковой рефлексии выступает знак или последовательность знаков. Однако при более детальном рассмотрении вопроса появляются аргументы в пользу уточнения и дифференциации объекта рефлексии. Анализ собранного корпуса рефлексивов показал, что в качестве объекта рефлексии, как правило, выступают либо форма знака, либо его содержание. При этом семантика рефлексива (продукта метаязыковой деятельности) во многом определяется особенностями объекта рефлексии. Поэтому считаем обоснованным положить признак объекта рефлексии в основу таксономии рефлексивов. Тем самым первый ярус типологии составят рефлексивы, представляющие собой метаязыковые комментарии к форме знака, и рефлексивы, образованные метаязыковыми высказываниями о значении знака.

Рефлексивы, комментирующие признаки формы слова, в свою очередь, подразделяются на рефлексивы внешней формы и рефлексивы внутренней формы, образуя следующий ярус типологии. Рефлексивы внешней формы представляют собой метаязыковые высказывания, характеризующие материальную оболочку знака в ее фонетическом или графическом исполнении. Результаты сравнительного анализа рефлексивов, относящихся к данной группе, свидетельствуют об их неоднородности. Эта гетерогенность объясняется уже не свойствами объекта рефлексии, а связана с особенностями функционирования механизма самой метаязыковой рефлексии. При этом манифестируется второй системный признак, определяющий таксономию рефлексивов, – признак глубины метаязыковой рефлексии.

Проведенное нами исследование рефлексивов позволяет прийти к заключению о том, что метаязыковая рефлексия может носить как поверхностный, так и глубинный характер. В данном контексте прилагательные *поверхностный* и *глубинный* имеют не оценочный, а исключительно дескриптивный смысл. Под поверхностной рефлексией мы понимаем такие случаи деятельности метаязыкового сознания, при которых фокус рефлексии остается в границах буквального восприятия объекта. Иными словами, такой метаязыковой комментарий повторяет, констатирует или в определенных целях подчеркивает объективные характеристики оболочки знака. Такого рода рефлексивы мы будем называть *констатирующими*. Примерами констатирующих рефлексивов являются метаязыковые высказывания, референциально соотносимые с объективными фонетическими (графическими) характеристиками знаков или их отрезков (таксон, обозначенный индексом АС1 в приведенной ниже таблице):

- ...Глеб осознал, что смерть не просто прекращала прекрасную жизнь: она делала бессмысленным уже прожитое и достигнутое. Бес-смыс-лен-ным: целых три с, плюс к тому два е, два ы, два н и два м – даже такое богатое слово в конечном счете уходило в небытие (Водолазкин Е. Г. Брисбен);
- ...и все там было прекрасно: и чистые линии стен и проемов... и общее ощущение пустоты, простора, прохлады, покоя и еще многих понятий на букву «п» (Толстая Т. Н. Прожиточный минимализм).

Глубинной метаязыковой рефлексией становится в результате своего перехода на операциональный

уровень. При этом ее функция трансформируется от констатирующей к исследовательской. Поиск нового знания осуществляется через когнитивные операции, связанные с оценкой, сравнением, классификацией объекта рефлексии, а также с его помещением в разного рода ассоциативные ряды. Рефлексивы, отражающие результаты глубинной метаязыковой рефлексии, мы будем называть *операциональными*. К рефлексивам операционального уровня следует относить метаязыковые комментарии, содержащие оценку внешней формы знака (таксон, обозначенный индексом ВС1):

- *Первым делом Галина Петровна повезла Лидочку к врачу. В длинной белой машине с плавным названием «Волга»* (Степнова М. Л. Женщины Лазаря);
- *Допустим, название привлекает – Гиссарлык, очень даже музыкально...* (Водолазкин Е. Г. Чагин).

Глубинная рефлексия над формой слова может порождать фоносемантические ассоциации. В рефлексиве раскрывается неконвенциональная связь между оболочкой знака и потенциальным денотатом. В большинстве случаев выведенные на поверхность текста ассоциативные ряды носят сугубо индивидуальный характер:

- *Жили у бабушкиных друзей в Кооперативном переулке. Два кооперативных о в восприятии Глеба соединялись с гулкостью парадного. И с прохладой, когда входил с раскаленной улицы* (Водолазкин Е. Г. Брисбен);
- *В слове «БЛО» чувствовались неиссякаемые запасы жизненной силы и одновременно что-то негуманное...* (Пелевин В. О. Generation «П»).

Выделение в отдельную группу рефлексивов внутренней формы обусловлено спецификой объекта рефлексии. Внутренняя форма знака сочетает в себе признаки означающего и означаемого, занимая промежуточное положение между законносителем и его содержанием. Фактически внутренняя форма слова представляет собой морфосемантическую структуру языковой единицы. Она эксплицирует связь звучания и значения слова. Именно через внутреннюю форму реализуется свойство мотивированности языкового знака. Внутренняя форма знака выступает как одна из узловых точек метаязыковой рефлексии носителей языка. Научная метаязыковая рефлексия создает базу для этимологических исследований в лингвистике. Рядовые носители языка также проявляют интерес

к осмыслению внутренней формы слова, который, в частности, находит выражение в феномене наивной этимологии.

При решении задач настоящего исследования нами было установлено, что метаязыковые высказывания о внутренней форме знака могут отражать результаты как поверхностной, так и глубинной метаязыковой рефлексии. Констатирующие рефлексивы фиксируют, выводят на поверхность, представляют в эксплицитной форме морфосинтаксическую структуру слова (таксон, обозначенный индексом AC2):

- *Столпотворение – это столп и творение. Творение столпа, причем не строительство, а именно творение* (Пелевин В. О. Generation «П»);
- *Тотьма – то тьма, говорила Даша о своей малой родине* (Водолазкин Е. Г. Брисбен).

Операциональные рефлексивы идут дальше в осмыслении внутренней формы слова. Так, они могут содержать информацию оценочного характера о внутренней форме знака. В приведенных ниже примерах прилагательные *громоздкий* и *трудный* представляют собой оценку, данную носителем языка не внешней форме знака, а его внутренней структуре (таксон, обозначенный индексом BC2):

- *– Слово громоздкое, – сказал я Гейгеру о телевизоре* (Водолазкин Е. Г. Авиатор);
- *Ну, пожалей ты мое больное сердце! – и он дрожащими руками из маленькой пробирочки стал вытряхивать на бугристую ладонь крохотные белые таблетки нитроглицерина. Я запомнил это трудное название ...* (Поляков Ю. М. Совдетство).

Разновидностью операциональных рефлексивов являются метаязыковые высказывания, в которых находят выражение обыденные представления об этимологии слов (зачастую ложные с точки зрения научной картины мира):

- *– Ха-ха! Не море, а Русский Океан. Схлынул. Остались только реки. Ока... Океан. Улавливаешь, откуда название?* (Поляков Ю. М. Любовь в эпоху перемен);
- *На Западе по-другому думают? На то они и Запад. От слова «западня»!* (Поляков Ю. М. Козленок в молоке).

От рефлексивов, описывающих формальные стороны знака, перейдем к рассмотрению рефлексивов,

образованных в результате рефлексии над семантикой слов. Данная группа рефлексивов также не является однородной ввиду того, что метаязыковая рефлексия может быть направлена на осмысление разных пластов семантической информации. Метаязыковой поиск может осуществляться как в пределах тех сущностей, которые принято называть языковыми (лексическими или грамматическими) значениями, так и выходить за их пределы, погружаясь во внеязыковое семантическое пространство. Тем самым рефлексивы способны комментировать то, что в лингвистической литературе вслед за А. А. Потебней называют ближним и дальним, или языковым и энциклопедическим значениями слова. Поэтому предлагаем называть их *рефлексивами ближнего значения* и *рефлексивами дальнего значения* соответственно.

Помимо особенностей, связанных с объектом рефлексии, семантические рефлексивы (аналогично формальным) различаются по признаку глубины рефлексии. Так, констатирующие рефлексивы ближнего значения представляют собой примеры обыденных толкований значений слов. Как правило, такого рода толкования обусловлены собственно коммуникативными причинами и выполняют функцию пояснения значений слов, не относящихся к ядру словарного состава языка (таксон, обозначенный индексом AD1):

- *Кошмарик стал жужжать про кредитные ставки и плохую работу группы коллекторов, проще говоря, выбивальщиков долгов* (Поляков Ю. М. Любовь в эпоху перемен);
- *...он уже успел приложиться, теперь закусывал «курятиной» – смолит едкую сигарету...* (Алешковский П. М. Крепость).

Операциональные рефлексивы способны передавать информацию оценочного характера. При этом в приведенных ниже примерах оценка формируется в результате рефлексии не над внешней или внутренней формой слова, а в результате осмысления его семантических признаков. Определение слов как *страшного* и *сладостного*, *вечнозеленого* объясняется особенностями их лексического значения и их субъективным восприятием носителями языка (таксон, обозначенный индексом BD1):

- *Дирекция по подготовке к затоплению останки взять разрешила, но для этого нужно было присутствие при эксгумации* (страшное слово, которое

в деревне произносили шепотом) родных покойного (Сенчин Р. В. Зона затопления);

- ...уже очнулось и распустилось сладостное, вечно-зеленое слово «любовь» (Поляков Ю. М. Гипсовый трубоч).)

Операции рефлексии над ближней семантикой слова могут порождать образы, смежные значению знака, и вызывать семантические ассоциации, которые отражаются в рефлексивах:

- Я не люблю слова долг. Оно представляется мне в виде скорбного отсчитывания купюр (Водолазкин Е. Г. Чагин);
- Из временных указаний все чаще ему приходило на ум слово однажды. Это слово нравилось ему тем, что преодолевало проклятие временем. И утверждало единственность и неповторимость всего произошедшего – однажды (Водолазкин Е. Г. Лавр).

В рефлексивах дальнего значения отражается семантическая информация, относящаяся к периферии лексического значения, или информация, вовсе лежащая за пределами плана содержания знака, актуализация которой в фокусе рефлексии становится возможна благодаря встроенности языковой единицы в когнитивно-дискурсивное поле текста. Констатирующие рефлексивы, как правило, расширяют информацию, данную в предметно-понятийном поле ядра лексического значения за счет комментариев

внеязыкового, энциклопедического характера. Обычно функциональное назначение такого рода рефлексивов связано с уточнением значений слов за счет расширения данных об их денотативной отнесенности (таксон, обозначенный индексом AD2):

- У нас слепень – это такая большая муха. Серая. Летает почти бесшумно и потому кусает неожиданно. А оводы мельче, цветастые, с острыми крыльями. Жужжат жалобно, вьются над головой. Скорость у них невысокая, можно ловить на лету в кулак... (Сенчин Р. В. В залипе);
- ...у него до сих пор нет ни жены, ни герлфренд. (Его, кстати, поначалу коробило это «герлфренд», а потом понял, что для девушек такой статус куда круче жены: жена – что-то такое в халате у плиты, а герлфренд – совсем другое, но такое же близкое и дорогое, как жена.) (Сенчин Р. В. Дождь в Париже).

Глубинная метаязыковая рефлексия над дальним значением слова задействует механизмы инференции. Операциональный рефлексив представляет собой результат вывода знания, произведенного на основании глубокого анализа когнитивно-дискурсивной ситуации, в которой употребляется слово. Так, в приведенных ниже примерах определения *вороватый* и *волшебный*, используемые в отношении слов *ваучер* и *последний*, эксплицируются только на фоне внеязыкового контекста. Определение *вороватый* базируется на распространенных в массовом сознании представлениях о коррупционной природе

Табл. Таксономия рефлексивов

Tab. Taxonomy of reflexives

		Признак объекта рефлексии			
		Форма знака (C)		Содержание знака (D)	
		Внешняя форма (C1)	Внутренняя форма (C2)	Ближнее значение (D1)	Дальнее значение (D2)
Признак глубины рефлексии	Поверхностная (A)	Констатирующие рефлексивы			
		Констатирующие рефлексивы внешней формы (AC1)	Констатирующие рефлексивы внутренней формы (AC2)	Констатирующие рефлексивы ближнего значения (AD1)	Констатирующие рефлексивы дальнего значения (AD2)
	Глубинная (B)	Операциональные рефлексивы			
		Операциональные рефлексивы внешней формы (BC1)	Операциональные рефлексивы внутренней формы (BC2)	Операциональные рефлексивы ближнего значения (BD1)	Операциональные рефлексивы дальнего значения (BD2)

приватизации в России и накладывается, как ярлык, на слово *ваучер*; ироничное восприятие прилагательного *последний* как *волшебного слова* продиктовано представлениями об экономических реалиях, имевших место в советском государстве (таксон, обозначенный индексом BD2):

- *Замелькало вороватое словечко «ваучер»* (Поляков Ю. М. Как я построил «Демгородок»);
- *Но есть одно волшебное слово, которое заставляет Лиду мгновенно выхватить кошелек и метнуться в кассу. Это слово – «последний»* (Поляков Ю. М. Советство).

С целью обеспечения наглядности полученных результатов исследования разработанная типология рефлексивов представлена в виде таблицы, в которой таксономические группы формируются на пересечении классификационных признаков, характеризующих объект и глубину метаязыковой рефлексии.

Заключение

Переходя к подведению итогов, отметим, что результаты метаязыковой рефлексии, отраженные в художественных текстах, отличаются содержательной неоднородностью. В ходе исследования удалось установить, что базовыми признаками, определяющими деление рефлексивов на отдельные таксономические группы, выступают особенности объекта и особенности протекания метаязыковой рефлексии.

Признак объекта рефлексии формирует предпосылки для деления рефлексивов на высказывания о форме

знака и высказывания о значении знака. На втором ярусе типологии высказывания о форме знака подразделяются на рефлексивы внешней и внутренней формы, а высказывания о значении знака – на рефлексивы ближнего и дальнего значения.

Намеченная типология дополняется таксономией, построенной вокруг признака функционирования метаязыковой рефлексии. Основным функциональным признаком метаязыковой рефлексии является ее глубина. В соответствии с данным признаком рефлексия может носить поверхностный или глубинный характер. Поверхностная метаязыковая рефлексия порождает констатирующие рефлексивы, в которых фиксируются наблюдаемые характеристики знака. Глубинная метаязыковая рефлексия приводит к образованию операциональных рефлексивов, в которых отражаются результаты разноаспектного осмысления знака.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в создание системной типологии рефлексивов. Результаты способствуют дальнейшему осмыслению онтологических и гносеологических характеристик метаязыковой рефлексии, вносят вклад в изучение автореферентной функции языка.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Александров О. А. «Наивная» фольклористика как форма проявления обыденного метаязыкового сознания (на материале прецедентных текстов российских немцев). *Российский гуманитарный журнал*. 2020. Т. 9. № 5. С. 342–351. [Aleksandrov O. A. "Naive" folklore studies as a form of manifestation of ordinary metalanguage consciousness (based on the precedent texts of the Russian Germans). *Liberal Arts in Russia*, 2020, 9(5): 342–351. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15643/libartrus-2020.5.7>
- Андрусенко Е. А. Функции метатекста в художественном тексте (на материале произведений В. Астафьева). *Сибирский филологический журнал*. 2011. № 1. С. 89–94. [Andrusenko E. A. The functions of metatext in works of fiction (based on works by V. Astafiev). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal*, 2011, (1): 89–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/numvan>
- Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка. *Язык о языке*, ред. Н. Д. Арутюнова. М.: ЯРК, 2000. С. 7–19. [Arutiunova N. D. Naive reflections on the naive linguistic worldview. *Language about the language*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: IaRK, 2000, 7–19. (In Russ.)]
- Бабенко Н. Г., Корешкова Е. К. Функциональный анализ языковой рефлексии в романе Евгения Водолазкина «Оправдание острова». *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология*. 2021. № 4. С. 24–32. [Babenko N. G., Koreshkova E. K. Functional analysis of linguistic

- reflection in Evgeny Vodolazkin's "Justification of the Island". *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2021, (4): 24–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyvpdk>
- Батулина А. В. О метаязыковых контекстах в массовой литературе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8. № 4. С. 1041–1050. [Batulina A. V. To the problem of metalinguistic contexts in mass literature. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2017, 8(4): 1041–1050. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1041-1050>
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах). *Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке*, отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 146–161. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. People about language: metalanguage reflection in non-linguistic texts. *Logical analysis of language: The image of human in culture and language*, eds. Arutunova N. D., Levontina I. B. Moscow: Indrik, 1999, 146–161. (In Russ.)]
- Вепрева И. Т. Метаязыковые высказывания как сигналы социально-психологического климата периода корона-вирусной пандемии. *Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: Междунар. науч. конф. (Москва, 28–29 октября 2020 г.)*. М.: РУДН, 2020. С. 46–48. [Vepreva I. T. Metalinguistic utterances as signals of the socio-psychological climate during the COVID-19 pandemic. *Russian language in modern scientific and educational space: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 28–29 Oct 2020*. Moscow: PFUR, 2020, 46–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cbmоем>
- Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 384 с. [Vepreva I. T. *Linguistic reflection in Post-Soviet period*. Moscow: OLMA-Press, 2005, 384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrvksr>
- Залевская А. А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2015. № 4. С. 29–36. [Zalevskaya A. A. "Language reflection" and "language consciousness": Problems of terminology. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2015, (4): 29–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkeukj>
- Залевская А. А. К проблеме разграничения языковой ситуации и метаязыковой ситуации. *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 112–120. [Zalevskaya A. A. To distinguishing linguistic and metalinguistic awareness. *Language, consciousness, and communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKS Press, 2016, iss. 53, 112–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wjfxmx>
- Золотова Н. О. Рефлексивность обыденного сознания и естественный метаязык. *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 4. С. 50–61. [Zolotova N. O. Reflexivity of everyday consciousness and natural metalanguage. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, (4): 50–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-42-4-52-63>
- Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты. *Теоретическая и прикладная лингвистика*, отв. ред. В. Б. Кашкин. Воронеж: ВГТУ, 2002. Вып. 3. С. 4–34. [Kashkin V. B. Mundane philosophy of language and linguistic contrasts. *Theoretical and applied linguistics*, ed. Kashkin V. B. Voronezh: VSTU, 2002, iss. 3, 4–34. (In Russ.)]
- Кравченко М. А. Конструктивный vs деструктивный метатекст в произведениях современной русской прозы. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2024. Т. 21. № 1. С. 34–41. [Kravchenko M. A. Constructive vs destructive metatext in works of modern Russian prose. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2024, 21(1): 34–41. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ling240105>
- Кравченко М. А. От поиска слова к поиску смысла жизни, или Грани метаязыковой рефлексии в романе Р. Сенчина «Дождь в Париже». *Современная лингвистика: от теории к практике: III Казанский Междунар. лингвистич. саммит. (Казань, 14–19 ноября 2022 г.)* Казань: Казан. ун-т, 2023а. Т. 2. С. 90–94. [Kravchenko M. A. From the search for a word to the search for the meaning of life, or The facets of metalanguage reflection in R. Senchin's Rain in Paris. *Modern linguistics: From theory to practice: Proc. III Kazan Intern. Linguistic Summit, Kazan, 14–19 Nov 2022*. Kazan: Kazan University, 2023a, vol. 2, 90–94. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uuriro>
- Кравченко М. А. Теория обыденной лингвистики: систематический обзор современного состояния исследовательского направления. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023б. Т. 16. № 3. С. 773–779. [Kravchenko M. A. Theory of mundane linguistics: Systematic review of the current research direction. *Philology. Theory & Practice*, 2023b, 16(3): 773–779. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil20230153>

- Кравченко М. А., Кравченко О. В. Абсурд как метаязыковой код (на материале художественных текстов абсурдистской эстетики). *Критика и семиотика*. 2022. № 1. С. 400–421. [Kravchenko M. A., Kravchenko O. V. The absurd as a metalanguage code (based on the material of artistic texts of absurdist aesthetics). *Kritika i Semiotika*, 2022, (1): 400–421. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-1-400-421>
- Кузнецова А. В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 9. С. 265–269. [Kuznetsova A. V. Meta-text in fiction text: Pragmatics and functions. *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(9): 265–269. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.9.49>
- Кунщикова М. О. Метаязыковая активность креатора языковой игры в диалогах искусственных билингов. *Научный диалог*. 2021. № 12. С. 71–88. [Kunshchikova M. O. Metalinguistic activity of wordplay creator in classroom bilingual dialogs. *Nauchnyi Dialog*, 2021, (12): 71–88. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-12-71-88>
- Лабунец Н. В., Кочнева Н. С. Ономастическая рефлексия в произведениях В. П. Крапивина. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2019. Т. 5. № 2. С. 6–19. [Labunets N. V., Kochneva N. S. Onomastic reflection in works of V. P. Krapivin. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 2019, 5(2): 6–19. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2019-5-2-6-19>
- Мечковская Н. Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета. *Русский язык в научном освещении*. 2006. № 2. С. 165–185. [Mechkovskaya N. B. Natural language and metalanguage reflection in the age of the Internet. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2006, (2): 165–185. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hyzsdh>
- Никитина Л. Б., Гейко Е. В. Когнитивная природа и номинативные механизмы интеллектуальной игры (на примере кроссвордов). *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2021. № 2. С. 117–122. [Nikitina L. B., Geiko E. V. Cognitive nature and nominative mechanisms of intellectual play (on the example of crosswords). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2021, (2): 117–122. (In Russ.)] <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-31-117-122>
- Николина Н. А. Метаязыковые комментарии в прозе И. А. Бунина. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2020. № 4. С. 35–42. [Nikolina N. A. Metalanguage comments in I. Bunin's prose. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, (4): 35–42. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tijjcq>
- Николина Н. А. Метаязыковые комментарии в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. *Русский язык в школе*. 2016. № 2. С. 40–45. [Nikolina N. A. Metalanguage comments in the works of M. E. Saltykov-Shchedrin. *Russian Language at School*, 2016, (2): 40–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvwnkr>
- Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика, отв. ред. А. Н. Ростова. Кемерово-Барнаул: АлтГУ, 2008. 480 с. [Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics, ed. Rostova A. N. Kemerovo-Barnaul: ASU, 2008, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rmmctr>
- Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты, отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово-Барнаул: АлтГУ, 2009. Ч. I. 532 с. [Ordinary metalinguistic consciousness: Ontological and epistemological aspects, ed. Golev N. D. Kemerovo-Barnaul: ASU, 2009, pt. I, 532. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qmmqdp>
- Родионова И. Г. Метаязыковая функция вводных предложений с союзом *если* в произведениях К. Г. Паустовского. *Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание*. 2021. № 2. С. 109–118. [Rodionova I. G. The metalanguage function of introductory sentences with the conjunction *yesli* (if) in the works of K. G. Paustovsky. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, 2021, (2): 109–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-2-109>
- Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: ТГУ, 2000. 193 с. [Rostova A. N. *Metatext as a form of explication of metalanguage consciousness in Russian dialects of Siberia*. Tomsk: TSU, 2000, 193. (In Russ.)]
- Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с. [Ryabtseva N. K. *Language and natural intelligence*. Moscow: Academia, 2005, 640. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrmsyh>
- Сизикова Т. Э. Мета-модель рефлексии в рамках мета-онтологии. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 68. С. 6–31. [Sizikova T. E. Meta-model of reflection within the framework of meta-ontology. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (68): 6–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/68/1>
- Фролова О. Е. Некорректное речевое воздействие: текст и метатекст. *Филологические заметки*. 2021. Т. 19. № 2. С. 63–76. [Frolova O. E. Incorrect speech impact: Text and metatext. *Philological Notes*, 2021, 19(2): 63–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17072/1857-6060-2021-19-2-63-76>

- Черняк В. Д. Речевой портрет автора и метаязыковая деятельность персонажей (на материале творчества А. И. Солженицына). *Филология в XXI веке*. 2019. № S1. С. 305–310. [Chernyak V. D. A verbal portrait of the author and metalinguistic activities of characters (a study in the works by Alexandr Solzhenitsyn). *Filologiya v XXI veke*, 2019, (S1): 305–310. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cuvcix>
- Черняков А. Н. Два фрагмента «поэтической филологии» русского авангардизма. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2012. № 8. С. 87–93. [Chernyakov A. N. Two fragments of "poetic philology" of Russian avant-garde. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*, 2012, (8): 87–93. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pclbbt>
- Шумарина М. Р. «Что ни звук, то и подарок...»: метаязыковые комментарии в прозе Н. В. Гоголя (к 210-летию со Дня рождения). *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80. № 2. С. 53–61. [Shumarina M. R. "Whatever a sound, then a gift...": Metalinguistic comments in prose of N. V. Gogol (for the 210th birth anniversary). *Russian Language at School*, 2019, (2): 53–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-2-53-61>
- Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста: (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М.: Флинта; Наука, 2011. 328 с. [Shumarina M. R. *Language in the mirror of fiction: Metalanguage reflection in Russian prose*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/utwqlb>
- Язык о языке, ред. Н. Д. Арутюнова. М.: ЯПК, 2000. 624 с. [*Language about the language*, ed. Arutiunova N. D. Moscow: IaRK, 2000, 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtdqrr>
- Goddard C. Natural semantic metalanguage. *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics*, eds. Xu W., Taylor J. R. NY: Routledge, 2021, 93–110.
- Jakobson R. Metalanguage as a linguistic problem. In: Jakobson R. *Selected writings. Vol. VII. Contributions to comparative mythology. Studies in Linguistics and Philology, 1972–1982*. Berlin-Boston: De Gruyter Mouton, 1985, 113–121. <https://doi.org/10.1515/9783110855463.113>
- Jaworski A., Coupland N., Galasinski D. *Metalanguage: Social and ideological perspectives*. The Hague: Walter de Gruyter, 2004, 324.
- Niedzielski N. A., Preston D. R. *Folk linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003, 375.
- Vepreva I., Kuprina T. Coronavirus and us: Metalinguistic portrait of Covid-19 pandemic. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS)*. Vol. 115. *The Russian Language in Modern Scientific and Educational Environment (RLMSEE-2020)*, ed. Shaklein V. M. European Publisher, 2021, 342–354. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.09.38>
- Wierzbicka A. Metatekst w tekście. *O spójności tekstu*, ed. Mayenowa M. R. Wrocław, 1971, 105–121.